"Черт, ненавижу, когда так быстро теряют сознание," - заметил Джузеппе Ардмор, подбрасывая нейрохлыст в воздух и снова ловя.

Аллисон Бентон-Рамирес-и-Чоу все еще была без сознания, согнувшись на стуле, к которому она была привязана, и Ардмор улыбнулся, наблюдая, как она дышит. У нее не было повязки на глазах или капюшона, что могло бы многое рассказать ее брату о том, насколько вероятно, что она когда-нибудь выйдет из этой комнаты живой. Раньше она могла этого не осознавать, но теперь она чертовски хорошо понимала, что находится в глубоком дерьме и быстро тонет.

Он схватил ее волосы свободной рукой, откинув голову назад, чтобы критически изучить ее. Она была красивой сукой, он признавал это, и может быть перед тем, как все закончится, у него будет возможность этим воспользоваться. Но сейчас...

"Ты правда думаешь, что он сделает это для нас?" - спросил он, не отрывая голодных глаз от ее лица.

Тобин Манишевич смотрел на него без особого выражения, но отношение Ардмора его беспокоило. Первоначальная концепция операции принадлежала ему, но Ардмор делал ее слишком личной. Манишевич не собирался лицемерить и делать вид, что не знал точно, какие уродства влечет за собой его план, но для него это была просто цена ведения бизнеса. Человек не пошел бы работать на кого-то вроде Рабсилы, если бы у него было много сомнений, а Манишевич никогда не утверждал, что они у него были. Он всегда знал, что у Ардмора есть своя порочная жилка - это была одна из тех вещей, которые делали его таким эффективным в "мокрых делах", но похоже, что у этого человека была более глубокая и уродливая садистская склонность, чем он думал.

В некотором смысле это вполне устраивало Манишевича. Миз Бентон-Рамирес-и-Чоу не выживет после операции, что бы ни случилось, а любовь ее брата к ней была хорошо известна и очевидна. Если что-то и могло поколебать его профессионализм, ожесточить его и заставить совершать ошибки, так это жгучий страх перед тем, что с ней произойдет. По оценке самого Манишевича, Бентон-Рамирес-и-Чоу предоставит им то, что они потребуют, если только это не будет основополагающей информацией о стратегиях КБР и персональных источниках разведки. Он мог бы передать их имена, но это было бы для него гораздо труднее, особенно с учетом того, что, несмотря на его эмоции, профессиональная часть его мозга должна знать, как мало шансов, что он когда-нибудь снова увидит свою сестру живой, что бы он не сделал ради нее. Но он даст им то, о чем они просили, до тех пор, пока может убедить себя, что это не будет критичным, не будет стоить жизней людей, которые рисковали ради него своими жизнями... и пока он мог убеждать себя, что все еще был шанс найти сестру и каким-то образом вернуть ее.

На это не было ни единого шанса, и рано или поздно он это поймет, но пока позволить Ардмору продемонстрировать, что происходит с его сестрой - или как минимум что с ней случится, если он откажется сотрудничать - было лучшим способом вывести его из равновесия. Однако для того, чтобы угроза была достоверной, она должна быть показана, как реальная, и он будет более чем счастлив позволить Ардмору провести демонстрацию.

Если, конечно, энтузиазм Ардмора не приведет к тому, что он слишком рано убьет девчонку. Обеспокоенный или нет, Бентон-Рамирес-и-Чоу не будет продолжать сотрудничать, если он не убежден, что его сестра все еще жива и будет страдать, если он этого не сделает.

"Я думаю, что если он хочет иметь хоть какой-нибудь шанс вернуть ее живой, то он выполнит хотя бы пару первых требований," - ответил он через мгновение. "Я сомневаюсь, что мы

сможем вечно держать его на поводке. Как только он поймет, что не вернет ее, он сорвется." Он пожал плечами. "Я не уверен, что он будет делать в этот момент. Он мог бы попробовать что-нибудь действительно глупое, если решит, что знает, где она, но этого не произойдет. Почему?"

"Потому что я не думаю, что он это сделает," - сказал Ардмор и медленно облизнул губы с жутким выражением лица. "Я думаю, что как бы я ни старался убедить его быть разумным, он не выложит информацию больше чем, может быть, один раз. И держу пари, что он не даст нам точной информации даже в первый раз. Я жду этого." Он отпустил волосы Аллисон легким движением пальцев, от которого ее голова безвольно качнулась, и посмотрел на Манишевича жадно блестевшими глазами. "Я действительно с нетерпением жду этого. Потому что, когда он увидит, что происходит с его любимой младшей сестрой в великолепном видео, я думаю, что он пустит пульсерный дротик себе в мозг."

Манишевич медленно кивнул. Это была его собственная оценка окончательной реакции Бентон-Рамиреса-и-Чоу, когда он дойдет до предела того, что он мог - или хотел - сделать, и поймет, насколько мучительно его сестра умерла из-за него. И все же маленький ублюдок был крепким орешком. Возможно, он откажется убивать себя и вместо этого посвятит остаток своей жизни преследованию и мести. Манишевич учел эту возможность при планировании операции, поэтому Бентон-Рамирес-и-Чоу должен был умереть при его последней передаче информации. Хорошая, мерзкая, маленькая бомба, спрятанная в точке передачи и взорванная дистанционно, позаботится об этом, чтобы никто никогда не был настолько глуп, чтобы рискнуть позволить Бентон-Рамиресу-и-Чоу оказаться в пределах досягаемости.

"Только не увлекайся," - сказал он Ардмору. Лицо напарника напряглось, и Манишевич покачал головой. "Ему понадобится что-то более убеждающее после того, как он выдаст первую порцию данных, так что не волнуйся. У тебя будет шанс "убедить его". Но если мы будем давить слишком сильно, слишком быстро на самом первом свидании, он, скорее всего, откажется или попытается сделать что-то отчаянное в следующий раз. Это нужно делать как следует, Джузеппе. И," - он посмотрел прямо в глаза Ардмору," - на твоем месте я бы был осторожен, проводя с ней время перед камерой. Ты знаешь, что кибер-криминалистика может делать с визуальными данными, независимо от того, насколько тщательно мы маскируемся."

"Не волнуйся." Ардмор улыбнулся и погладил нейрохлыст, как любимое домашнее животное. "Все, что он увидит, это ее и конец вот этого." Он снова погладил хлыст. "И я позабочусь о том, чтобы он получил действительно хороший, крупный план ее глаз."

* * *

"Господи, Жак!" Полковник Шон Гамильтон-Мицотакис уставился на маленького стройного мужчину, стоящего в его кабинете. "Аллисон? Прямо здесь, в Гренделе?"

"Почему нет?" - резко спросил Бентон-Рамирес-и-Чоу. "Бог никогда не обещал мне крышу для моей семьи. Я должен был помнить об этом. Я должен был заставить ее принять дополнительные меры предосторожности! Но я этого не сделал, и что бы с ней ни случилось, это моя вина."

"Не будь дураком!" - рявкнул Гамильтон-Мицотакис, встряхиваясь для успокоения. "Ты предупреждал ее, и в отличие от некоторых других членов твоей семьи, Аллисон всегда чертовски хорошо представляла, что ты делаешь. И ты не хуже меня знаешь, какую опасность это представляет. Они никогда не пробовали что-то подобное прямо здесь, на Беовульфе, точно так же, как мы не устраивали операцию против одной из семей Рабсилы на Мезе, и ты знаешь,

почему."

"Ну, чертовски ясно, что на этот раз они изменили параметры операции, не так ли, сэр?" - возразил Бентон-Рамирес-и-Чоу, и Гамильтон-Мицотакис кивнул.

"Да, это так, и за это они адски поплатятся, я обещаю тебе это," - резко сказал он. Гамильтон-Мицотакис был руководителем группы специальных операций КБР. Это, среди прочего, означало, что он был человеком, который назначал цели для убийств и планировал операции по их осуществлению, а Бентон-Рамирес-и-Чоу знал все о досье высокопоставленных руководителей и акционеров Рабсилы, спрятанных в файлах полковника.

"А тем временем," - продолжил Гамильтон-Мицотакис, "мы должны вернуть ее. Я полагаю, у тебя есть хотя бы что-то на уме?"

"Чертовски мало," - мрачно признал Бентон-Рамирес-и-Чоу. "Они используют ее комм, чтобы убедиться, что я знаю, что они действительно поймали ее, и поэтому следы не могут привести к кому-либо, кроме Алли. Но они отключили функцию локатора - поверьте мне, я уже проверил - и связь идет по крайней мере через пару сотен ретрансляторов, прежде чем доходит до меня. Не говоря уже о том, что у Аллисон лучшее на рынке программное обеспечение для конфиденциальности." Он поморщился. "Фактически, я помог ей выбрать его. Никто не может отследить этот сигнал, а это значит, что они могут быть где угодно на этой чертовой планете. Если на то пошло, они могли быть за пределами планеты, а задержка прохождения через ретрансляторы могла скрывать запаздывание сигнала."

Гамильтон-Мицотакис кивнул. На Беовульфе серьезно относились к своим гражданским свободам, и конституция системы установила жесткие, окончательные ограничения на электронное наблюдение с самого начала колонизации. Граждане имели абсолютное право на лучшие программы обеспечения конфиденциальности - не только программы шифрования, но и программы для отключения функций локатора и методов отслеживания - без санкционированных правительством лазеек и обходных путей. В целом полковник такое положение вещей одобрял, но это могло быть головной болью.для правоохранителей... или для Корпуса Биологической Разведки в тех редких случаях, когда он действовал на самом Беовульфе.

Что открывало другую банку с червями.

"Я полагаю, ты не собираешься соблюдать Прескотт-Чатвелла?" спросил он.

"Нет, сэр, нет." Бентон-Рамирес-и-Чоу спокойно посмотрел на полковника. "Это может быть проблемой?"

Закон Прескотт-Чатвелла специально запрещал КБР, который не был агентством местной полиции, проводить операции в системе Беовульф, и его нарушение каралось тюрьмой на срок до тридцати Т-лет. Его можно было обойти при особых обстоятельствах, но для этого требовалось одобрение на уровне Планетарного совета директоров. Получение такого одобрения требовало времени, и, к сожалению, у некоей Аллисон Бентон-Рамирес-и-Чоу его было немного.

Гамильтон-Мицотакис долго смотрел брату Аллисон в глаза, а затем медленно улыбнулся.

"Проблемой? Почему это должно быть проблемой? Насколько я понимаю, учитывая информацию, которую эти ублюдки хотят от тебя, это явная прямая атака на КБР. Таким образом, я обязан немедленно отреагировать, чтобы устранить ущерб. Как только

непосредственная угроза будет устранена, у тебя будет достаточно времени, чтобы разобраться с любыми незначительными юридическими вопросами."

Некоторое время они молчали, затем полковник встряхнулся.

"Итак, если мы не можем выследить их, что нам делать?" - спросил он.

"Все, что я могу придумать сейчас - это выиграть время, сэр," - прямо признал Бентон-Рамирес-и-Чоу. "Я думаю, что они не захотят получить данные по связи, потому что побоятся, что я могу проследить электронный перевод. Я сомневаюсь, что они будут достаточно глупы, чтобы организовать получение где-то рядом с их реальной базой, но проблема с передачей чипа в том, что кто-то должен его забрать. Наш лучший вариант - и их не так уж много - установить наблюдение за почтовым ящиком и проследить за тем, кто заберет данные. Вероятно, это будет дрон, кто-то, кто не знает, где их нора, но в конечном итоге эта информация должна дойти до них, если она им нужна. Все, на что мы можем надеяться - на то, что Алли проживет достаточно долго, чтобы мы могли пойти по хлебным крошкам к кому-то, кого я смогу... убедить сказать мне, где она."

Он спокойно встретил взгляд своего начальника, и его глаза были мрачными и холодными. Холодными от обещания, что любой, кто знает, где его сестра, в конце концов скажет это ему, мрачными от понимания, насколько мала вероятность того, что у него будет шанс ее найти.

* * *

Альфред Харрингтон вышел из такси и закрыл люк за собой.

Он приказал высадить его в четырех с половиной километрах к западу от своей цели, на дальней стороне хребта от людей, которые его интересовали. Он надеялся, что они этого не заметят, хотя не мог быть уверен в этом. Все зависело от сенсорных систем, которые они могли установить, и, учитывая, что они явно хотели быть как можно незаметнее, вероятно полагались исключительно на пассивные системы. Это могло бы ограничить их радиус действия и надежность, но не было смысла считать, что они бы не увидели, как над ними пролетит такси, затем повернет на северо-запад и исчезнет. ИИ был готов перед высадкой пролететь на малой высоте, но прежде, чем он приказал ему приземлиться, он никогда бы не согласился нарушить минимальный лимит в двести метров, предписанный правилами безопасности Беовульфа. Альфреду повезло, что ИИ был готов ждать его возвращения, но он согласился на это только потому, что Альфред оставил подписанное и заверенное отпечатком пальца разрешение, чтобы счетчик продолжал работать за его счет. Таким образом, он собирался быть должен фирме такси полное лейтенантское месячное жалование.

Возможно, он снова воспользуется этим такси. Таков был план - или что-то вроде плана, во всяком случае - хотя он не стал бы ставить ничего ценного на вероятность его реализации. Лучшее, на что он мог надеяться - на то, что прежде, чем он свернет на юг, он сделает достаточно широкий круг, чтобы хребет отрезал линию обзора любых датчиков плохих парней на место подхода и приземления такси. А удерживая его на земле, он мог помешать ему делать то, что ИИ сделал бы в обычном случае - поднялся бы прямо вверх на антиграве, прежде чем отправиться обратно в Грендель за другим пассажиром. Даже если бы он сам прошел незамеченным, такси разбудило бы любого полусонного наблюдателя.

Это безумие, сказал он себе почти спокойно, пробираясь сквозь густые заросли незнакомых деревьев Беовульфа. Он мог не знать названий местных видов, но он провел достаточно лет, охотясь и путешествуя по лесам Сфинкса. Темные облака надвигались с востока. Он чувствовал

запах приближающегося дождя, и постоянно усиливающийся ветер качал ветви над головой и наполнял лес песней трепещущих листьев и качающихся ветвей. Чувство движения, энергии и жизни наполняло воздух вокруг него, а запахи гниющих листьев, коры и влажной земли наполняли его ноздри. Впервые с момента прибытия в Грендель он снова оказался в своей стихии, и при других обстоятельствах он бы наслаждался походом.

Но не при таких.

Место, где находилась Аллисон, было перед ним. Он нашел его, просто полетев почти на север от города, прямо по направлению к ней, пока внезапно это безошибочное ощущение ее присутствия не изменило направление. Такси только что перелетело то, что казалось красивым охотничьим домиком, и когда оно полетело на запад, он почувствовал, как сместился пеленг. В его голове не было вопросов. Как бы нелепо это ни звучало, он был уверен, что Аллисон Чоу была в этом охотничьем домике.

И если она там, то что ты собираешься с этим делать, черт возьми? резко спросил он себя. Ты не полицейский. Ты больше не морпех. И даже если бы ты им был, ты не с Беовульфа. У тебя точно нет власти или полномочий на этой планете, идиот! А если бы и были, что ты собираешься делать? Просто застрелишь первого бедного ублюдка, которого увидишь?

Он поморщился, но напомнил себе девиз морской пехоты: "Можем!" И мантру каждого когда-либо жившего сержанта-морпеха: импровизируй, приспосабливайся и преодолевай. Если для того и другого когда-либо были время и место, то это время и место были здесь и сейчас. Не то чтобы ему никогда раньше не приходилось этого делать.

С этой мыслью его охватила вспышка страха, и он почувствовал, как его руки начали дрожать. Он остановился в густой тени возвышающегося дерева, отдаленно напоминающего дуб, и поднял руки перед собой, сжав кулаки.

Стой! Это не Клематис!

Может и нет, но он был тем же человеком, что и на Клематисе, и это его по-настоящему пугало. Он был тем же человеком, с тем же чудовищем внутри, жаждущим выбраться наружу.

Секунды тянулись, а он стоял, пойманный в ловушку между воспоминаниями о том, что было, и страхом перед тем, что может произойти снова, и паника пульсировала в основании его горла. Он не мог. Он не мог выпустить чудовище снова. Он просто не мог.

Но затем его голова резко вскинулась, глаза расширились. Она снова была в сознании, и она была напугана, она была в ужасе. А потом в него вонзилась ужасная, зазубренная стрела боли. Не его - ее! Простое эхо этого пронзило его, как вибро-лезвие, и он сжал зубы. Его сомнения исчезли.

Пришло время для монстров, подумал он.

http://tl.rulate.ru/book/53453/1353309